

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ

АЛЕКСАНДР
ГРАДСКИЙ
ГРАНД РОССИЙСКОЙ МУЗЫКИ

ОГИЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6
Д60

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

Издательство благодарит автора за предоставленные фотографии
из личного архива.

Фотография на обложке — Марии Градской.

Фотографии во вкладках — из личного архива Александра Градского,
архива ИД «Новый Взгляд» (NewLookMedia.ru), Александра Алейникова,
Сергея Горбунова, Бориса Мазура, Руслана Рощупкина («Первый канал»),
Никиты Симонова («Москва 24»), Лилии Шарловской («Музыкальная правда»).

Додолев, Евгений Ю.

Д60 Александр Градский. Гранд российской музыки / Е. Ю. Додолев. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 288 с. — (Легенды русского рока).

ISBN 978-5-17-109335-8

Выход книги приурочен к юбилею Александра Градского. Масштабы «родителя русского рок-н-ролла» трудно переоценить, о чем бы ни шла речь: наставник, композитор, личность. Подтверждение тому можно найти в беседах и интервью, собранных в этом издании. Андрей Макаревич, Евгений Евтушенко, Александр Буйнов, Евгений Маргулис и другие, не менее известные нам персонажи, поведают о случаях, пересечениях, курьезах, о нем. А Градский, в свою очередь, о других, с присущей ему искрометностью.

**УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6**

■ ОТ АВТОРА

Это не биография Александра Градского.

Во-первых, он сам не готов к детальному изложению хроник своего взлета на вершину музыкального Олимпа. А во-вторых, образ АБГ в настоящий момент основательно мифологизирован, и поэтому даже мемуары в исполнении самого объекта наблюдения были бы встречены публикой амбивалентно; ну а уж когда речь идет о пристрастных экзерсисах «журналиги» (© А. Градский), то подобный труд по многим параметрам можно отнести к делам Сизифа.

Вне сомнения, для своей так называемой ядерной аудитории Александр Градский и после ухода из «Голоса» персонифицирует этот проект; да и для массового зрителя — тоже, в известной степени.

Собственно, первую книгу о Маэстро я так и назвал: «The Голос».

Те заметки были подписаны в печать буквально через пару недель после завершения первого сезона музыкального ТВ-действия, которое три года спустя было признано лучшим шоу этого жанра в России.

Поэтому мне очень повезло тогда с выбором названия. И персонажа. Книга трижды переиздавалась. На нее писали разномастные рецензии. Некоторые я собрал в отдельный раздел этой книги, который называется «После "Голоса". Приложение».

Объясню почему. Я сделал выводы. Работу над ошибками, так скажем. В данной книге к минимуму сведены оценочные экзерсисы, тут нет никакой хронологической структуры. В основном здесь — прямая речь коллег АБГ. И его собственная, конечно же. *Соль*, одним словом. В некотором роде. Хотя и «ми», и «ля», и даже «ля-ля-ля» местами, как мне кажется.

Впрочем, никакие диалоги не могут в полном объеме отштриховать портрет гения, который однажды так верно приговорил: «Сколь ни рисуй себя с великими — не станешь лучше рисовать».

Да, именно так — гения. И я таковым числю Александр-Борисыча, хотя он порой в открытую декларирует, что это лишь *журналистский троллинг*. Поясню. Речь не только о гениальном сочинителе: это, само собой, прерогатива компетентных экспертов — оценивать АБГ как композитора. Нет, в первую очередь меня интересует масштаб личности. При этом я вовсе не идеализирую «родителя советского рок-н-ролла», осознавая, что в известной степени Градский по-прежнему, вероятно, остается этаким желчным эгоистичным мизантропом, каким его запомнили соратники по рок-прорывам 70-х.

Да, человек весьма непростой: сложный, трудный для общения и восприятия. Но аутентичный, спору нет.

■ О ГРАДСКОМ САШЕ

В этой части я собрал свои собственные беседы с АБГ: не только телевизионные и газетные, но и кухонные, скажем так.

Некоторые записаны уже после выхода первой книги «The Голос», хотя, само собой, через ступени уже описанной однажды биографии не перескочишь и некоторые моменты, о которых Градский рассказывал много и многим, здесь освещены тоже, иначе это были бы заметки о каком-то человеке, природе неведомом.

Нюанс. Иногда мы на «ты», иногда на «вы». Здесь вот какое дело. Конечно, когда собеседники знакомы много лет, им комфортнее общаться фамиллярно, однако среди ядерной аудитории Градского (в силу того, что в творчестве Александра Борисовича прорисовывались компоненты и бардовского, условно говоря, вектора) есть представители страты, которую Иван Ильин описывал как «русскую полуинтеллигенцию»: эти трепетно относятся к своим кумирам и, подозреваю, не знают, что исполнителю пахмутовского хита «Как молоды мы были», например, ведомо слово «жопа», не говоря уж об обсценной лексике. Вот ради того, чтобы не травмировать «культурных» амикошонством, я иногда общался с Маэстро в эфире с нарочитой дистанцией, что, по мне, лишь придавало беседе адекватную тональность.

ПРО «М. И М.». ДО «ГОЛОСА»

Этот наш разговор про оперу «Мастер и Маргарита» записан был еще до выхода первой книги о Градском. Но у меня как-то руки не дошли не то что запись опубликовать, но даже расшифровать. А сейчас мне кажется интересным Александра

Борисовича послушать. Это было до открытия театра «Градский Холл» — Маэстро рассуждал о вокальных ресурсах державы в презумпции тотального дефицита этих самых голосов. И, стало быть, о невозможности сценического воплощения своего замысла.

— **Ты говоришь, что не сможешь найти хотя бы дюжину новых исполнителей, таких, которые могли бы спеть нужные партии?**

— Нет, все те, кто пел главные партии, они и сейчас поют, все нормально. Была другая идея, Жень. Дело в том, что не на главные роли нужны исполнители, а на роли второстепенные, в которых на премьере были представлены Хазанов, Голубкина, Табаков: вот такого уровня исполнителя на маленькую роль — не найдешь. Вот в чем все дело. На главные роли можно найти...

— **Хорошо, но ты ведь уже представил в формате «аудио» эту оперу...**

— Слава богу.

— **У тебя будет свой театр, у тебя будет сцена, поставишь ее там. Вот если самому тебе не петь, допустим...**

— Не смогу. Не с кем. Нет четырех человек. Главных. Воланд, Мастер, Иешуа и Кот... Кота еще можно найти. Можно придумать.

— **Нет теноров с тремя октавами?**

— Не в этом дело. Стилистически нет. Стилистически и по глубине понимания. Вот этого нет. Вот Шариф, например, блестящий голос, но у него нет глубины понимания. У него нет глубины понимания и изложения материала так, как *мне* надо. Я сам-то это еле спел, честно говоря.

— **В этом направлении можно работать с исполнителем?**

— Да, но очень сложно. Ты не представляешь себе, до какой степени у меня чувство фальши развито. Фальши не вокальной даже: эмоциональной.

— Но у тебя же есть желание, например гипотетическое, когда-нибудь увидеть это на сцене, в исполнении молодых...

— Мультфильм. Только анимация! Берется фонограмма и делается мультик. И все. Мультик рисованный, живые люди. Понимаешь? Рисованные живые люди. Табаков в роли Семплеярова. Нарисованный. То есть человек Олег Табаков, он нарисован в роли Семплеярова. Градский нарисован в роли Кота. Градский же нарисован в роли Воланда. Та же морда, но только по-другому, как будто он загримированный. Тот же Градский нарисован в образе Мастера. Тот же Градский нарисован в образе Иешуа. Трансформированный, нарисованный, понятно, что это он, да, но в роли. Лена Минина нарисована в образе Маргариты. Фоменко нарисован, Коля, в образе Коровьева. И так далее. Это было бы здорово. Ты видел мультфильм по Диккенсу? Где герои — нарисованные живые люди? Потрясающее кино, просто невозможно оторваться! А здесь еще была бы музыка. И артисты, которые... Даже если кто-то умер уже — Милляр, Касаткина, Зельдин в роли Аримана, Леонидов, Макаревич в роли буфетчика Сокова. Да, это Андрей Макаревич, но он в роли. Вот так загримирован, понимаешь? Причем это просто делается — компьютерная графика, и все. Идея сумасшедшая. Просто много денег надо. Восемьдесят тысяч долларов примерно стоит нарисованная на компьютере минута такого фильма. А у меня три часа. Вот умножаем тупо восемьдесят тысяч долларов...

— **Больше. Там концепт — художники, поэтому больше. На разработку понадобится время. Сначала образы найдутся, потом уже их только можно анимировать.**

— Я не думаю, что это больше, я думаю, что меньше, но года два с половиной — три придется сидеть в большой комнате двадцати человекам и рисовать.

— **Но эти-то ребята есть, которые нарисуют?**

— Ребята есть хотя бы те, которые Земекису рисовали, режиссеру диккенсовского мультика, но как их работать посадить?

— **Тебе не кажется, что когда бабло становится очень пухлым вокруг, то как раз свобода исчезает?**

— Как тебе объяснить, у меня очень пухлое бабло последние тридцать пять лет — и ничего не исчезло, свобода на месте.

— **Но ты про него все время говоришь...**

— Если про него не говорить, его не будет.

— **Но ты про него еще и думаешь много.**

— Конечно, думаю. Я каждый день думаю, как сделать так, чтобы завтра мне не нужно было ни у кого ничего просить. Если мне нужно купить унитаз, так я знаю, откуда взять деньги.

— **Сейчас мы говорим про золотой унитаз?**

— Не хохми. Обычный. Главное, чтобы была возможность на него присесть. Это мелочи, конечно, но дело вовсе не в унитазе, а в том, что я, к примеру, на «Голосе» захотел хор привезти, тысячу долларов заплатил за автобус, они приехали раз, потом еще... Я же на Первый канал не пошел с просьбой: «Дайте мне автобус, чтобы привезти детей из Клина», — а спокойно заплатил. Тихо и мирно. Приехал хор, охренительно спел. Потом они еще раз приедут, уже 13 декабря. Мне ни с кем не надо договариваться. И объяснять: «Знаете, нам надо детей привезти, тридцать человек, из города Клин». Меня отошлют в одну редакцию, во вторую редакцию, в третью, потом — на х**. Я спросил руководителя хора: «Вы можете автобус заказать?» — «Да, можем». — «Сколько стоит?» — «Столько-то». Ну, бутерброды, кола, горячее... Я говорю: «О'кей, везите». И вопрос решился.

О НЕСОИЗМЕРИМОСТИ. ТАКАЯ ВЫШЛА STORY

Эта беседа легла в основу материала для журнала Story, обложку коего украсил портрет Градского из той фотосессии Михаила Королева, что я числю самой удачной в серии рок-портретов (одно из этих изображений и на обложке первой книги об АБГ).

СЕМЕЙНОЕ

— Почему помимо бабушки, матери и детей никогда не упоминаются в интервью другие родичи? Не было близких отношений? Были конфликты в детстве?

— Неправда. Было много о папе, дяде и второй бабушке. О маме чаще — это так... скорее всего, потому что первая моя потеря — это она...

Градский мне рассказывал:

— Родители слушали музыку, — вот и первый императив. Второй — то, что в средних семьях стало модно отдавать детей в музшколу. И это стоило семь рублей пятьдесят копеек в месяц. Меня попросили прохлопать, протопать, и я попал в Гнесинскую школу (по классу скрипки). Потом мой педагог ушел из Гнесинской, перешел в районную, и за ним тридцать человек ушли. А дальше увлечение The Beatles привело меня к мысли, что надо продолжать образование: сначала в Гнесинском институте, потом в Московской консерватории.

Интересно, что у Градского никогда не было явного «головкружения от успехов». Может быть, оно случилось при рождении? Ведь внимание к себе и дань, которую его талантам отдавали большие профессионалы, АБГ воспринимал скорее

как должное, нежели как везение, удачу или аванс. Он не страдал чувством малоценности, болезнью многих штучных людей.

Даже для прекрасной Мэрилин Монро рукоплескания мира были испорчены страхом разоблачения, ведь саму себя она считала не очень хорошей актрисой...

Многие творческие люди порой теряют веру в свой путь, но только не Градский.

В семидесятые Александр-Борисыч уже собирал большие залы, был востребованным в тусовке как модной, так и немодной молодежи, а когда сменилась эпоха и на сцену вышли рок-герои восьмидесятых, затмившие по масштабам информационного успеха все, что было раньше, АБГ особо этого не заметил, потому что по-прежнему «собирал дворцы спорта» (в отличие от многих новых «звезд»).

На манифест Виктора Цоя «Мы ждем перемен» он ответил ироничным: «А мы не ждали перемен, и вам их тоже не дожидаться» — и продолжал жить, как жил.

Градский из тех художников, которые постоянно находятся в процессе рождения очередного творения. Причем в его случае оно может быть не только музыкальным, но и стихотворным — в 2011 году вышла книга его стихов «Избранное», которая продержалась на лидерской позиции продаж несколько недель (наша беседа, посвященная выходу издания, — в этом же разделе, ниже).

Как поэт, Градский заслуживает, я считаю, самого большого внимания:

*Когда я был моложе и недалек умом,
Все верил, что судьбою я отмечен.
О струны рвал рук кожу и думал лишь о том,
Как мне себя скорей увековечить.*

*Я думал, надо проще быть, за хвост ловить момент
И много значить или означать,
И мне на ГЛАВНОЙ площади поставят монумент,
Чтобы под ним свиданья назначать.
И я, на население взирая свысока,
Всех попирая бронзовой пятою,
Являл собою б мнение, что надо жить наверняка
С чугунным лбом и со спиной литою.
И вот сбылась идеяка, и стал известен я,
Но не таким, каким был в самом деле.
Судьба моя — индейка, тупая бестия.
Купили нас, зажарили и съели.*

Когда человек постоянно находится в родовых муках, ему не до переживаний на тему своей востребованности, он занят внутренними процессами. А поклонников Градскому всегда хватало на то, чтобы зарабатывать себе на жизнь, причем от избыточной популярности он никогда не страдал, хотя в эпоху «Голоса» его узнаваемость достигла рекордной отметки.

— Как можно определить пять плюсов и пять минусов массовой известности?

— Не буду я этой фигней заниматься, считать... много и того и другого.

Действительно, зачем думать о том, что не мешает? В силу «природного авторитета» Градский никогда не страдал от настырности простоватых поклонников, люди его в целом побаиваются. Ну а девушки, подбегающие за автографом, не мешают никогда (ну, если ты не Джастин Бибер...).

— **Что комфортнее: быть признанным в узком кругу ценителей или радовать собой массы? Как можно сопоставить эти ощущения?**

— Про узкий круг ничего не знаю, не помню... сразу было много ценителей.

На самом деле у него до «Голоса» никогда не было аудитории, соизмеримой с его харизмой. Да, фанаты были, есть и будут. Это — то, что называется ядерной аудиторией. Однако ядро ее составляют в значительной степени люди, не всегда адекватно оценивающие полифонию личности АБГ. Для многих он просто прекрасный певец, раз и навсегда перепавший души пахмутовским шедевром «Как молоды мы были», и не более того (на эту тему АБГ охотно и часто иронизирует).

У него не ночевали школьники в подъезде, как у Борис-Борисыча Гребенщикова; не путешествовали с ним безбашенные девчонки-группы, которые одолевали Владимира Кузьмина; не вскрывали себе вены терявшие рассудок андройды, мечтавшие быть рядом с Майком Науменко, и группа Metallica в «Лужниках» не играла его вещи (re: «Группа крови» Виктора Цоя летом *этого* года), etc.

Всегда повторяю тезис Марины Леско: «Талант не облагораживает своего носителя».

Гений Градского совершенно не нивелирует его дерзкую желчность, подростковую самоуверенность и феноменальную неспособность ценить бескорыстную помощь, которая в его системе координат воспринимается как нечто само собой разумеющееся, потому как всем и всегда помогал бескорыстно он сам (понятно ведь, что озвученная им в интервью 1991 года версия о некоей «корыстной идее» — не

более чем саркастичная поза). И он никогда не гнался за «любовию народной», понимая, что уже воздвиг себе «памятник».

*Да, мы не ждали зов трубы,
Мы были клапаны и трубы,
Но в нас не чьи-то дули губы,
А ветры духа и судьбы,
Да, мы не ждали зов трубы...
Да, мы не ждали перемен,
И вам их тоже не дожидаться,
Но надо, братцы, удержаться
От пустословия арен.
И просто самовыражаться,
Не ожидая перемен.*

Александр-Борисыч никогда не угождал поклонникам и журналистам. Таисия, автор фильма, который Первый канал снял к ноябрьскому юбилею Маэстро в 2014 году, жаловалась мне на то, что при записи интервью юбиляр на нее попросту наорал, обвинил в «желтизне», не давал своей дочери Марии со съемочной группой общаться — и вообще... замирились они лишь крепким спиртным на кухне.

На него коллеги вообще часто жалуются.

Вот обложка октябрьского номера Story в том же 2014 году, например. Я в свое время договорился с давним товарищем + известнейшим фотохудожником Мишей Королевым, что он сделает сессию с Александром. Но музыкант категорически отказался ехать в студию, где выставлен свет и т.п., заявив, что, мол, это гора ходит к Магомету, а не наоборот. Пришлось мне везти фотографа вместе с ассистентом + стилистом в Козицкий переулок, на кухню мать-его-Маэстро.

Жалуются порой и люди из музыкального цеха.

Градскому за это порой приходится — условно говоря — платить.

А многие из профсреды, похоже, и не осознают «глыбизну» своего коллеги. Помню, в студии своей «Правды-24» (канал «Москва 24») беседовал с Дробышем, и Виктор меня просто сразил заявлением: «У Градского нет хитов».

Я тогда подумал про себя:

«А у Pink Floyd кроме Another Brick in the Wall есть хиты-то?»

После эфира написал у себя в Facebook'е:

«Смутил меня здесь Дробыш, заявивший, что разденется в студии догола, если я назову ему десять хитов Градского. Ведь если понимать под хитом то, что навязчиво в голове воспроизводится (ну, как тема Меладзе из "Оттепели"), то вроде как — действительно нет. И если брать более определенные дефиниции, ну, допустим, рекорды хит-парадов, то, пожалуй, вспомнится только пахмутовская "Как молоды мы были". При этом ведь у АБГ есть целые альбомы гениальных произведений (ну, например, "Сатиры" или "Фрукты с кладбища"); однако напеть я ничего не могу, разумеется. Слушать могу часами, намурлыкать — нет. И главное — не производит Дробыш впечатления завистника. Похоже, искренен был вполне. Ясно, конечно, что Время все четко расставит по местам, по полочкам аккуратно разложит и по мордасам хлестко надает, но поговорил я с "хитмейкером", который осчастливил "Бурановских бабушек" и... много думал».

Мой экс-коллега по «МК» Олег Старухин мне тогда ответил:

— У Градского и Дробыша — разные профессии. Градский — шеф-повар хорошего ресторана, а Дробыш — главный технолог в «МакДональдсе». Про биг-мак знают все, но нормальные люди предпочитают не принимать там пищу, а ходить в те заведения, где вкусно. Специально погуглил, какие песни

написал Дробыш (вернее, каким шедеврам приписано его авторство). Хитов — только два. Да и те — однодневки. На «Дискотеке нулевых» в лучшем случае в пелотоне пойдут. Остальные — вообще не слышал. А ведь хитом песню можно считать лишь в том случае, когда ее знает даже такой «любитель» попсового ширпотреба, как я.

Даниил Градский в той сетевой полемике тоже вступился за своего родителя:

— Послушав великого «хитмейкера» Дробыша решил узнать, какие же суперхиты он написал для других артистов — и оказалось, что хитов у него аж целых 12:

- Party for Everybody — «Бурановские бабушки»;
- «Обожженная душа» — Лариса Долина;
- «Свет твоей любви», «ДаДиДам» — Кристина Орбакайте;
- «Просто любить тебя», «Любовь, которой больше нет» — Кристина Орбакайте и Авраам Руссо;
- «Часики», «Нежность моя», «Была любовь» — Валерия;
- «Одиночество» — Слава;
- «Берега твоей любви» — Виктор Салтыков и Татьяна Овсиенко;
- «Любовь-красавица» — Зара;
- «Чужая невеста», «Любовь всегда права» — группа «Челси»;
- «Я тебе не верю» — Ирина Аллегрова и Григорий Лепс;
- «Она не твоя» — Григорий Лепс и Стас Пьеха;
- «Первая любовь/Любовь последняя» — Слава и Ирина Аллегрова.

Только вот не очень понимаю, как человек, который не является исполнителем своих «суперхитов», может вдаваться в подобные сравнения. Из 12 его песен — реальных два хита в исполнении Лепса, а 80% — это вещи «поющих трусов» и раскрученное за бабки музтелеговно... Говорить о музыкальности, вокале, стихах, наверное, не стоит.